

зя ожидать *ничего* хорошаго. Напротивъ, всегда Толстой утверждать какъ разъ обратное, — что „кто скажетъ брату своему „рака“ (пропащій), тотъ подлежитъ гееннѣ огненной“. Г-нъ Поссе отказался отъ обсуждения того письма Толстого къ царю (о духовныхъ, просящихъ разрѣшенія отправиться въ добровольную ссылку въ Сибирь за своими мужьями), которое было напечатано въ „Листкахъ Свободнаго Слова“ (1901 г., № 23), и *которое я прочелъ на своемъ рефератѣ*, — и отказомъ этимъ призналъ самъ, что есть вещи, о которыхъ можно писать царю и которыхъ можно отъ него ожидать. Можно было ожидать отъ царя Александра II освобожденія крестьянъ безъ земли (Герценъ даже ожидалъ — съ землею), можно ожидать отъ царя Николая II многихъ уступокъ современному общественному мнѣнію Россіи и Европы, но, конечно, не того, что онъ откажется отъ престола, отберетъ землю у помѣщиковъ и возвратитъ ее крестьянамъ и т. п. А мы не знаемъ, о чемъ писалъ Толстой Николаю II, и потому не судьи въ этомъ дѣлѣ. Г-нъ Поссе удачно пользуется тѣмъ, что содержаніе письма Толстого неизвѣстно, даже самое его существованіе не можетъ быть установлено, т. е. по его же собственному разсказу Николай II обѣщаль никому его не показывать (другими словами, поясняетъ г-нъ Поссе, избавить Толстого отъ неприятныхъ послѣдствій). И если дѣйствительно такъ терпимъ оказался Николай II, отъ котораго, по мнѣнію г-на Поссе, нельзя ожидать ничего хорошаго, то тѣмъ болѣе г-нъ Поссе, отъ котораго, мнѣ кажется, можно было ждать всего хорошаго и тактичнаго, не долженъ былъ объявлять Толстому Высочайшаго выговора за письмо, котораго онъ *не можетъ никому показать*.

Дальше: Г-нъ Поссе не понимаетъ, какъ можно любить царя и министровъ (*т. е., желать имъ добра, нравственнаго движенія*), — это его дѣло, но, вѣдь,